

РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия»



Серия «Знай свои права!»

**Обзоры судебной практики
Верховного Суда Российской Федерации
2015**

МОСКВА, 2015

Составитель
В.М. Фридман

*Издано в рамках информационно-правового проекта
«Знай свои права!».*

*При реализации проекта используются средства
государственной поддержки, выделенные в качестве гранта
в соответствии с распоряжением Президента Российской
Федерации от 17.01.2014 № 11-рп и на основании конкурса,
проведенного Движением «Гражданское достоинство»
(<http://civildignity.ru>).*

**Обзоры судебной практики Верховного
Суда Российской Федерации 2015.** / Се-
рия «Знай свои права!». Сост.
В.М.Фридман. – М.: РОО «Центр содейст-
вия реформе уголовного правосудия»,
2015. – 28 с.

ДЛЯ БЕСПЛАТНОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ

Введение

Один из осужденных рассказал, что в кабинете следователя видел плакат с изображением весов, где на одной чаше – гири с надписью «Правосудие», а на другой – наручники. И наручники перевешивают. Плакат, скорее всего, оказался в следственном кабинете после конкурса, которые любят проводить ведомства к своим круглым датам. Это красноречивая и точная иллюстрация нашего правосудия.

Мы тоже могли бы нарисовать что-то комичное, чтобы проиллюстрировать народную мудрость – «Дорогу осилит идущий», «Помогают только той лошади, которая везет». Но мы решили, что для заключенных, следующих этой мудрости, будет полезна брошюра с примерами из Обзоров судебной практики Верховного Суда РФ.

В данной брошюре собраны примеры из Обзоров судебной практики за первое полугодие 2015 года – **Обзора № 1 (2015)**, утверждённого Президиумом ВС РФ 4 марта 2015 года, и **Обзора №2 (2015)**, утверждённого 26 июня 2015 года. В Обзорах приводятся и решения Европейского Суда по правам человека, на которые ВС РФ посчитал нужным обратить внимание нижестоящих судов. На эти решения можно ссылаться при отстаивании своих прав.

Удачи!

Обзоры судебной практики Верховного Суда Российской Федерации *(первое полугодие 2015 г.)*

I. Квалификация преступлений

1. Уголовная ответственность за разбой, совершённый группой лиц по предварительному сговору, наступает и в тех случаях, когда согласно предварительной договорённости между соучастниками непосредственно изъятие имущества осуществляет один из них.

Установлено, что лицо, в отношении которого уголовное дело прекращено в связи со смертью, работавшее менеджером по торговле и собиравшее денежную выручку с торговых точек, предложило Х. завладеть денежными средствами путём инсценировки совершения на него разбойного нападения. В свою очередь Х. предложил участвовать в преступлении Г., который должен был привезти Х. к магазину, а затем с похищенным скрыться с места преступления. Во исполнение задуманного 4 марта 2013 г. Х., имея при себе обреза, на автомашине под управлением Г. приехал к магазину, где

в это время уже находилось лицо, в отношении которого уголовное дело прекращено в связи со смертью. Х. зашёл в магазин, а Г. остался ожидать его в автомашине. После того как продавец магазина передала лицу, в отношении которого уголовное дело прекращено в связи со смертью, деньги (выручку), Х., наставив на них обрез, забрал сумку с деньгами. После совершённого нападения Х. и Г. скрылись с похищенным, а обрез спрятали в лесу. Впоследствии похищенные деньги Х., Г. и лицо, в отношении которого уголовное дело прекращено в связи со смертью, разделили между собой.

Суд квалифицировал действия Г. по ч. 3 ст. 162 УК РФ и ч. 2 ст. 222 УК РФ как разбойное нападение, совершённое с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья, группой лиц по предварительному сговору, с применением оружия, в крупном размере, а также как незаконные хранение и перевозка огнестрельного оружия группой лиц по предварительному сговору.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по апелляционной жалобе адвоката в защиту интересов осуждённого Г., оставила приговор в части осуждения по ч. 3 ст. 162 УК РФ без изменения.

В своём определении Судебная коллегия указала следующее. О совершении преступлений по предварительному сговору группой лиц свидетельствует совместный характер действий Х. и Г. по заранее разработанному плану, согласно которому каждый из них выполнял в разбойном нападении отведённую ему роль, а также их совместные действия по перевозке 4 марта 2013 г. обреза в автомашине под управлением Г. для совершения разбойного нападения, сокрытию его после совершения преступления, перевозке 7 марта 2013 г. обреза с места хранения и последующей передаче его Х.

Определение №18-АП/14-43

2. Уголовная ответственность по ч. 2 ст. 309 УК РФ наступает за такое принуждение свидетеля к даче ложных показаний, при котором виновным совершаются активные действия, выражающиеся в шантаже, угрозе убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества свидетеля или его близких.

По приговору суда Ш. и Н. осуждены по п. «а» ч. 2 ст. 126, ч. 2 ст. 309 УК РФ. Согласно этому же приговору А. и И. осуждены по пп. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 126, ч. 3 ст. 309 УК РФ и другим статьям УК РФ.

В апелляционном представлении государственный обвинитель просил отменить приговор в части осуждения Ш. и Н. по ч. 2 ст. 309 УК РФ. Автор представления отметил, что, квалифицируя действия Ш. и Н. по эпизоду принуждения С. к даче ложных показаний, суд не привёл в приговоре способы деяний, перечисленные в диспозиции ч. 2 ст. 309 УК РФ и образующие объективную сторону состава преступления.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила приговор в отношении Ш. и Н. в части их осуждения

по ч. 2 ст. 309 УК РФ и уголовное дело прекратила на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в деянии состава преступления.

В определении Судебная коллегия мотивировала своё решение следующим. Органами предварительного расследования Ш. и Н. инкриминировалось совершение принуждения С. к даче ложных показаний путём высказывания угроз убийством и с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья. Как установил суд и указал в приговоре, Ш. и Н. какие-либо угрозы, в том числе убийством, не высказывали, своими действиями телесных повреждений не причиняли. Действия А. и И. по угрозам убийством и применению насилия к С. при принуждении её к даче ложных показаний являлись эксцессом исполнителей, не входивших в сговор с другими соучастниками.

Квалифицировав действия Ш. и Н. по ч. 2 ст. 309 УК РФ как принуждение свидетеля к даче ложных показаний, без указания способа его совершения, суд не принял во внимание, что объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 309 УК РФ, характеризуется обязательными активными действиями, выражающимися в шантаже, угрозе убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества этих лиц или их близких. Перечисленные способы являются обязательными признаками объективной стороны данного преступления. Отсутствие в действиях виновных лиц данных признаков не образует состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 309 УК РФ.

Определение № 49-АП/14-49

3. Действия лица, которое доставило других участников и потерпевшего к месту убийства и содействовало совершению преступления советами и указаниями, следует квалифицировать как пособничество.

Установлено, что Б., Х. и С., предварительно договорившись о хищении автомобиля, напали на водителя такси Ч., совместно избили его, нанеся множественные удары руками и ногами по различным частям тела, в том числе в голову потерпевшего, а Х., кроме того, нанёс несколько ударов монтажным ключом в голову и по другим частям тела потерпевшего. После этого они насильно посадили потерпевшего Ч. в указанный автомобиль и договорились между собой о его убийстве. Осуществляя задуманное, осуждённые в автомобиле под управлением Б. отвезли потерпевшего в лесной массив, где С. монтажным ключом нанёс множественные удары в голову и другим частям тела потерпевшего, а затем стал душить его руками. Присутствующий при этом Б. посоветовал Х. помочь С. в убийстве. Следуя этому совету, Х. снял с себя спортивную кофту и набросил на шею потерпевшему и, затягивая её петлей, вместе с С. задушил потерпевшего. Затем осуждённые завладели похищенным автомобилем, а также другим находившимся в автомобиле имуществом.

Действия Б. квалифицированы судом по п. «в» ч. 4 ст. 162 и ч. 5 ст. 33, пп. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а действия С. и Х. - по п. «в» ч. 4 ст. 162 и пп. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ. В апелляционной жалобе осуждённый Б.

оспаривал квалификацию его действий по ч. 5 ст. 33, пп. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, ссылаясь на то, что он не предвидел как действий С. и Х. в отношении потерпевшего, так и их последствий.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор без изменения, а апелляционную жалобу осуждённого без удовлетворения, мотивировав своё решение следующим.

Согласно ч. 5 ст. 33 УК РФ, пособником признаётся лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путём, а равно лицо, заранее обещавшее приобрести или сбыть такие предметы.

Квалифицируя действия Б. по ч. 5 ст. 33, пп. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ как пособничество в убийстве, то есть умышленном причинении смерти другому человеку, совершённом группой лиц по предварительному сговору, сопряжённом с разбоем, суд правильно исходил из установленных в судебном заседании обстоятельств преступления, согласно которым Б., после состоявшегося сговора на убийство потерпевшего, создал условия для этого убийства: привёз осуждённых С., Х. и потерпевшего на место преступления, а увидев, что действий С. недостаточно для лишения жизни потерпевшего, посоветовал Х. помочь ему в убийстве. Следуя этому совету, Х. снял с себя спортивную кофту, при помощи которой совместно с С. задушил потерпевшего Ч. Об умысле на убийство потерпевшего свидетельствует также характер применённого С. и Х. насилия, орудия преступления (монтажный ключ, которым были нанесены удары по голове потерпевшему, спортивная кофта, с помощью которой они душили потерпевшего), а также локализация обнаруженных на трупe потерпевшего телесных повреждений.

Таким образом, как установлено в судебном заседании, Б. содействовал совершению убийства Ч. (привёз других осуждённых и потерпевшего на место убийства) и посоветовал исполнителю преступления Х. помочь С. в убийстве потерпевшего, поэтому его действия правильно расценены судом как пособничество в убийстве. Доводы жалобы Б. о том, что он не знал о намерениях Х. и С., а также о возможных последствиях их действий, необоснованны, поскольку судом установлено, что действия осуждённых носили согласованный характер, до совершения преступлений у них состоялся предварительный сговор на разбойное нападение и на убийство потерпевшего.

Определение № 66-АП/15-17

II. Назначение наказания

1. При назначении наказания в виде ограничения свободы суд не вправе устанавливать осуждённому ограничения в большем объёме, чем это предусмотрено по смыслу ч. 1 ст. 53 УК РФ.

По приговору суда Я. осуждён за совершение четырёх преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ), к 12 годам лишения свободы с ограничением свободы сроком на 1 год за каждое преступление. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путём частичного сложения наказаний назначено 14 лет лишения свободы с ограничением свободы сроком на 1 год 6 месяцев. На Я. возложены ограничения и обязанности: не выезжать за пределы города Сортавала, не изменять место своего жительства или место пребывания без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осуждёнными наказания в виде ограничения свободы; не посещать места проведения детских массовых мероприятий; являться 2 раза в месяц на регистрацию в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием осуждённым наказания в виде ограничения свободы.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор, указав следующее. Согласно ч. 1 ст. 53 УК РФ ограничение свободы заключается, в частности, в том, что суд устанавливает осуждённому запрет выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования.

Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в редакции Федерального закона от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ) установлены следующие виды муниципальных образований – это городское или сельское поселение, муниципальный район, городской округ, городской округ с внутригородским делением, внутригородской район либо внутригородская территория города федерального значения (ч. 1 ст. 2).

На основании Закона Республики Карелия от 1 ноября 2004 г. № 813-ЗРК «О городских, сельских поселениях в Республике Карелия» город Сортавала является административным центром Сортавальского городского поселения, в состав которого, помимо города, входят 11 поселков. Таким образом, ограничив осуждённого вопреки требованиям уголовного закона пределами города, суд ухудшил его положение, поскольку территория города республиканского значения меньше территории муниципального образования в виде городского поселения. В силу изложенного Судебная коллегия изменила приговор в отношении Я. и заменила указание на ограничение выезжать за пределы города Сортавала указанием на ограничение выезжать за пределы территории Сортавальского городского поселения.

Определение № 75-АП/14-8.

2. Отбывание наказания в виде лишения свободы лицу, совершившему особо тяжкое преступление в несовершеннолетнем возрасте, но на момент вынесения приговора достигшему совершеннолетия, назначается в исправительной колонии общего режима.

По приговору суда от 25 марта 2013 г. Б. (ранее судимый) осуждён с применением ст. 62, 88 УК РФ по п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ (в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ), по пп. «а», «б» ч. 3 ст. 161 УК РФ (в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ). На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности указанных преступлений путём частичного сложения наказаний окончательно назначено 5 лет 6 месяцев лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 августа 2013 г. приговор в отношении Б. оставлен без изменения.

В надзорной жалобе осуждённый Б. просил изменить вид исправительной колонии, поскольку преступления были совершены им в несовершеннолетнем возрасте, но на момент вынесения приговора ему исполнилось восемнадцать лет, при таких обстоятельствах местом отбывания лишения свободы следовало назначить исправительную колонию общего режима.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил судебные решения в отношении Б., мотивировав следующим. Как следует из материалов уголовного дела, на момент совершения преступлений, 8 и 15 июля 2006 г., Б., 28 ноября 1989 года рождения, не достиг возраста восемнадцати лет, то есть являлся несовершеннолетним. В соответствии с положениями ч. 3 ст. 58, ч. 6 ст. 88 УК РФ, ст. 140 УИК РФ в их взаимосвязи лицу, совершившему особо тяжкое преступление в несовершеннолетнем возрасте, но достигшему возраста восемнадцати лет на момент вынесения приговора, назначается отбывание лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

Суд, постановивший приговор, ошибочно назначил Б., которому в это время исполнилось восемнадцать лет, отбывание наказания в виде лишения свободы за особо тяжкие преступления в исправительной колонии строгого режима.

При таких обстоятельствах Президиум изменил приговор и апелляционное определение в отношении Б. и назначил ему отбывание лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

*Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 136П14.*

3. В силу положений ч. 2 ст. 66 и ч. 1 ст. 62 УК РФ срок или размер наказания за приготовление к сбыту наркотических средств в особо крупном размере не может превышать 6 лет 8 месяцев лишения свободы.

По приговору Нагатинского районного суда г. Москвы от 13 октября 2009 г. (с учётом внесённых изменений) Б. осуждён по ч. 1 ст. 30, п. «г» ч. 3

ст. 228¹ УК РФ к 9 годам лишения свободы со штрафом в размере 400 000 рублей.

В надзорной жалобе осуждённый просил изменить судебные решения, снизить назначенное наказание с применением положений ч. 1 ст. 62 УК РФ до 6 лет 6 месяцев лишения свободы.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил судебные решения по следующим основаниям. Б. осуждён по ч. 1 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ к 9 годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима со штрафом в размере 400 000 рублей. При пересмотре судебных решений президиум Московского городского суда в постановлении от 5 апреля 2013 г. установил, что Б. активно способствовал раскрытию и расследованию преступления, указал тайник с наркотическим средством, сообщил информацию о соучастнике преступления, и на основании п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ признал эти действия смягчающими наказание обстоятельствами. В то же время президиум не установил отягчающих наказание обстоятельств. В силу ч. 2 ст. 66 УК РФ срок или размер наказания за приготовление к преступлению не может превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьёй Особенной части настоящего Кодекса за оконченное преступление.

Согласно ч. 1 ст. 62 УК РФ (в редакции Федерального закона от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ) при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных пп. «и» и (или) «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьёй Особенной части УК РФ. Следовательно, наказание по ч. 1 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ не может превышать 10 лет лишения свободы, а с применением положений ч. 1 ст. 62 УК РФ – 6 лет 8 месяцев лишения свободы. Кроме того, в нарушение требований ст. 307 УПК РФ в приговоре и последующих судебных решениях не приведены мотивы назначения дополнительного наказания в виде штрафа, который предусмотрен ч. 3 ст. 228¹ УК РФ как альтернативное наказание.

При таких обстоятельствах Президиум изменил приговор и последующие судебные решения в отношении Б. и исключил назначение ему наказания в виде штрафа в размере 400 000 рублей. С применением положений ч. 2 ст. 66, ч. 1 ст. 62 УК РФ (в редакции Федерального закона от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ) смягчил назначенное Б. по ч. 1 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ наказание до 6 лет 8 месяцев лишения свободы.

*Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 148П14.*

4. Суд надзорной инстанции, назначая наказание по правилам ч. 2 ст. 69 УК РФ, с учётом характера и степени общественной опасности совершённого преступления, личности виновной, наличия смягчающих и отсутствия отягчающих обстоятельств, применил принцип поглощения менее строгого наказания более строгим.

По приговору суда от 18 июля 2013 г. Х. осуждена по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ с применением ч. 1 ст. 62 УК РФ к 2 годам лишения свободы с ограничением свободы сроком на 6 месяцев, по ч. 3 ст. 30, п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ с применением ч. 3 ст. 66, ч. 1 ст. 62 УК РФ к 8 годам лишения свободы с ограничением свободы сроком на 1 год 6 месяцев.

На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ Х. по совокупности преступлений путём частичного сложения наказаний назначено 8 лет 6 месяцев лишения свободы с ограничением свободы сроком на 2 года. Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации приговор в отношении Х. оставлен без изменения.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осуждённой, изменил судебные решения в части назначенного Х. наказания. Из материалов уголовного дела усматривается, что Х. назначено наказание по ч. 3 ст. 30, п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ в виде 8 лет лишения свободы с ограничением свободы на 1 год 6 месяцев, по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ - 2 года лишения свободы с ограничением свободы на 6 месяцев.

На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ, как указано в приговоре, путём частичного сложения наказаний Х. окончательно назначено 8 лет 6 месяцев лишения свободы с ограничением свободы сроком на 2 года. Таким образом, наказание в виде ограничения свободы осуждённой назначено не путём частичного, а путём полного сложения наказаний. Кроме того, поскольку судом Х. была признана виновной в покушении на особо тяжкое преступление, а также в преступлении средней тяжести, наказание по совокупности преступлений ей надлежало назначить по правилам ч. 2 ст. 69 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ), которые предусматривали не только полное или частичное сложение наказаний, но и поглощение менее строгого наказания более строгим.

С учётом характера и степени общественной опасности совершённого преступления, личности виновной, наличия смягчающих обстоятельств: явки с повинной, молодого возраста, состояния здоровья при отсутствии отягчающих обстоятельств, Президиум назначил Х. наказание на основании ч. 2 ст. 69 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) по совокупности преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 158, ч. 3 ст. 30, п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, путём поглощения менее строгого наказания более строгим 8 лет лишения свободы с ограничением свободы сроком на 1 год 6 месяцев.

*Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 130П14.*

5. Если срок давности уголовного преследования истёк после вынесения приговора, но до момента вступления приговора суда в законную силу, виновный освобождается от наказания.

Согласно приговору А. в один из дней с 28 февраля по 25 апреля 2012 г., демонстрируя нож, высказывая угрозу убийством и применяя насилие, совершил половой акт в отношении потерпевшей. Непосредственно после совершения изнасилования А. вновь высказал в адрес Л. угрозу убийством.

По приговору суда от 5 февраля 2014 г. А. осуждён по п. «б» ч. 4 ст. 131 и ч. 1 ст. 119 УК РФ. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности указанных преступлений путём частичного сложения наказаний окончательно назначено 12 лет 1 месяц лишения свободы с ограничением свободы на срок 1 год.

Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21 мая 2014 г. приговор в отношении А. оставлен без изменения.

Заместитель Генерального прокурора Российской Федерации в надзорном представлении просил судебные решения в отношении А. изменить: освободить его от наказания, назначенного по ч. 1 ст. 119 УК РФ, в связи с истечением срока давности уголовного преследования и исключить указания о назначении окончательного наказания по правилам ч. 3 ст. 69 УК РФ.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил приговор и апелляционное определение, указав следующее.

Совершённое А. преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 119 УК РФ, в силу ст. 15 УК РФ относится к преступлению небольшой тяжести.

Из материалов дела следует, что осуждённый не уклонялся от следствия и суда, поэтому течение срока давности не приостанавливалось.

На основании п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ лицо освобождается от уголовной ответственности по истечении двух лет после совершения преступления небольшой тяжести.

Срок давности исчисляется со дня совершения преступления и до момента вступления приговора суда в законную силу.

Указанный срок истёк 25 апреля 2014 г. после вынесения приговора, но до рассмотрения дела судом апелляционной инстанции, то есть до вступления приговора в законную силу.

При таких обстоятельствах Президиум освободил А. от наказания, назначенного по ч. 1 ст. 119 УК РФ, на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с истечением срока давности уголовного преследования.

*Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 138П14ПР.*

6. Срок давности исчисляется со дня совершения преступления и до момента вступления приговора суда в законную силу. При этом временем совершения преступления признаётся время совершения общественно опасного деяния независимо от времени наступления последствий.

По приговору суда от 27 декабря 2013 г. М. осужден в том по ч. 1 ст. 223 УК РФ. Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 апреля 2014 г. приговор оставлен без изменения.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осуждённого, изменил состоявшиеся судебные решения и освободил М. от наказания, назначенного ему по ч. 1 ст. 223 УК РФ, на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с истечением сроков давности по следующим основаниям.

Временем совершения преступления признаётся время совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий. Однако по указанному делу установлен лишь промежуток времени, в течение которого совершено преступление - с июня 2007 года по 8 июня 2011 г.

При таких обстоятельствах, с учётом положений ч. 3 ст. 14 УПК РФ, в соответствии с которыми все неустранимые сомнения должны толковаться в пользу обвиняемого, срок давности уголовного преследования осуждённого надлежит исчислять с июня 2007 года.

Согласно положениям п. «б» ч. 1 ст. 78 УК РФ лицо освобождается от уголовной ответственности, если со дня совершения преступления средней тяжести истекло 6 лет, при этом сроки давности исчисляются со дня совершения преступления и до момента вступления приговора в законную силу.

Уголовное дело с обвинительным заключением поступило в суд 9 января 2012 г., приговор по делу постановлен 27 декабря 2013 г. Таким образом, в период рассмотрения уголовного дела судом первой инстанции в соответствии с п. «б» ч. 1 ст. 78 УК РФ истекли сроки давности уголовного преследования.

*Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 149П14*

7. В соответствии с п. «б» ч. 1 ст. 58 УК РФ, мужчинам, осуждённым к лишению свободы за совершение тяжких преступлений, ранее не отбывавшим лишения свободы, отбывание лишения свободы назначается в исправительных колониях общего режима.

По приговору суда от 20 марта 2009 г. с учётом внесённых изменений Л. (ранее судимый 21 августа 2006 г. и 22 августа 2008 г.) осуждён по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 2281 УК РФ к 4 годам 6 месяцам лишения свободы, по ч. 1 ст. 228 УК РФ к 1 году 6 месяцам лишения свободы, на основании ч. 5 ст. 69 УК РФ к 7 годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

Осуждённый Л. в надзорной жалобе помимо прочего просил изменить вид режима исправительного учреждения.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил приговор и последующие судебные решения в отношении Л., назначил ему отбывание лишения свободы в исправительной колонии общего режима, мотивировав своё решение следующим. На момент совершения преступлений 29 марта и 6 мая 2008 г. Л. был судим по приговору от 21 августа 2006 г. (с учётом изменений) за преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 228¹ УК РФ (в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ), к 4 годам лишения свободы условно с испытательным сроком 5 лет. По этому уголовному делу Л. осуждён за преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 228¹ УК РФ, которое относится к категории тяжких преступлений, и за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 228 УК РФ, которое, согласно ч. 3 ст. 15 УК РФ (в редакции Федерального закона от 9 марта 2001 г. № 25-ФЗ), действовавшей на момент его совершения, признавалось преступлением средней тяжести, а в соответствии с ч. 2 ст. 15 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) относится к категории преступлений небольшой тяжести.

На момент совершения этих преступлений условное осуждение Л. по приговору от 21 августа 2006 г. не было отменено (отменено по приговору от 22 августа 2008 г.). Рецидив преступлений в его действиях судом не установлен.

В соответствии с п. «б» ч. 1 ст. 58 УК РФ мужчинам, осуждённым к лишению свободы за совершение тяжких преступлений, ранее не отбывавшим лишение свободы, отбывание лишения свободы назначается в исправительных колониях общего режима. Однако Л. назначено отбывание лишения свободы в исправительной колонии строгого режима, что свидетельствует о неправильном применении уголовного закона.

*Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 171П14*

8. Статья 63 УК РФ содержит исчерпывающий перечень обстоятельств, отягчающих наказание, в котором такое обстоятельство, как «наиболее активная роль в совершении преступления», законом не предусмотрено.

По приговору суда В. осуждён по пп. «а», «д», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ (в редакции Федерального закона от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ), по ч. 3 ст. 33, ч. 2 ст. 223 УК РФ (в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ), по ч. 2 ст. 222 УК РФ (в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ).

В надзорной жалобе осуждённый В. и его адвокат утверждали, что при назначении В. наказания суд, в нарушение закона, необоснованно признал как отягчающее обстоятельство «наиболее активную роль в совершении преступления».

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор и исключила из его описательно-мотивировочной части ссылку на наличие обстоятельства, отягчающего наказание осуждённого В., «наиболее активную роль в совершении убийства», мотивировав следующим.

Статья 63 УК РФ содержит исчерпывающий перечень обстоятельств, отягчающих наказание, в котором такое обстоятельство, как «наиболее активная роль в совершении преступления», не предусмотрено.

Согласно п. «г» ч. 1 ст. 63 УК РФ обстоятельством, отягчающим наказание, признаётся «особо активная роль в совершении преступления», которая должна определяться судом с учётом роли в преступлении других соучастников. Понятия «наиболее активная роль» и «особо активная роль» по своему смыслу и содержанию не являются тождественными, тем более что в приговоре не указано, в каких именно действиях и в сравнении с кем суд усмотрел это обстоятельство. Таким образом, указанное обстоятельство учитывалось при назначении наказания в нарушение закона.

Определение № 78-АПУ14-48

III. Процессуальные вопросы

1. Суд апелляционной инстанции вправе назначить вид исправительного учреждения, в котором осуждённый должен отбывать лишение свободы в соответствии со ст. 58 УК РФ, если в резолютивной части приговора вид исправительного учреждения не был указан.

Судом первой инстанции от 17 сентября 2014 г. Б. и А. осуждены по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ) к 12 и 14 годам лишения свободы соответственно с ограничением свободы сроком на 1 год.

Суд апелляционной инстанции 11 декабря 2014 г., рассмотрев уголовное дело по апелляционному представлению государственного обвинителя, изменил приговор в части назначенного осуждённым наказания, мотивировав следующим. Как видно из приговора, суд первой инстанции, обсуждая вопрос об определении вида исправительного учреждения, сославшись на п. «в» ч. 1 ст. 58 УК РФ указал, что Б. и А. должны отбывать назначенное им наказание в виде лишения свободы в исправительной колонии строгого режима. Однако в резолютивной части приговора указание суда об этом отсутствует.

При таких данных суд апелляционной инстанции изменил приговор и на основании п. «в» ч. 1 ст. 58 УК РФ назначил осуждённым отбывание наказания в исправительной колонии строгого режима.

Определение № 30-АПУ14-21

2. Положения п. 4 ч. 2 ст. 29, ч. 5 ст. 165, ст. 177 УПК РФ не предусматривают необходимость получения судебного решения на производство осмотра места происшествия в жилище при наличии согласия на осмотр жилища проживающих в нём лиц. При этом согласия собственника жилища не требуется.

Л. признан виновным в том, что он 29 марта 2008 г., находясь возле своего дома, незаконно сбыл лицу, участвовавшему в оперативно-розыскном мероприятии «проверочная закупка», наркотическое средство массой 0,3 г, являющееся смесью, в которую входит героин. Кроме того, до задержания 6 мая 2008 г. Л. незаконно хранил без цели сбыта по месту своего проживания наркотическое средство марихуану массой 49,2 г, т.е. в крупном размере. По приговору суда, с учётом внесённых изменений, Л. осуждён по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 228¹ и по ч. 1 ст. 228 УК РФ.

В надзорной жалобе осуждённый оспаривал осуждение по ч. 1 ст. 228 УК РФ, подчёркивая, что приговор в этой части основан на доказательствах, полученных с нарушением закона, ввиду отсутствия судебного решения на производство осмотра квартиры, в ходе которого изъято наркотическое средство.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации оставил состоявшиеся судебные решения в части квалификации действий осуждённого Л. без изменения. Из материалов уголовного дела следует, что в ходе осмотра места происшествия – квартиры, где проживал Л., был обнаружен и изъят полимерный пакет с растительным веществом, являющимся, согласно заключению эксперта, наркотическим средством. Осмотр производился с согласия Л., о чём свидетельствует соответствующее заявление от 6 мая 2008 г., а также в присутствии его самого и понятых. В соответствии с ч. 5 ст. 177 УПК РФ осмотр места происшествия жилища производится с согласия проживающих в нём лиц, при этом согласия собственника жилища, не проживающего в этом жилище, в данном случае матери осуждённого, не требовалось. Кроме того, положения п. 4 ч. 2 ст. 29, ч. 5 ст. 165, ст. 176, 177 УПК РФ не предусматривают необходимость получения судебного решения на производство осмотра места происшествия в жилище при наличии согласия на осмотр жилища проживающих в нём лиц.

Таким образом, оснований для отмены приговора в части осуждения Л. по ч. 1 ст. 228 УК РФ за незаконное хранение наркотического средства нет.

*Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 171П14*

3. Апелляционное определение отменено ввиду существенного нарушения уголовно-процессуального закона, которое выразилось в обосновании судом апелляционной инстанции своего решения доказательством, признанным недопустимым.

М. признан виновным в том, что он, находясь в состоянии наркотического опьянения, с целью избавления от материальных затрат в виде уплаты

алиментов на содержание своей малолетней (четырёхлетней) дочери столкнул её в котлован, частично заполненный водой, после чего скрылся с места преступления. В силу малолетнего возраста девочка не смогла самостоятельно выбраться из котлована и утонула. По приговору суда М. осуждён по пп. «в», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации приговор в отношении М. оставлен без изменения. В надзорной жалобе адвокат осуждённого М. просил приговор и апелляционное определение отменить, дело направить на новое судебное рассмотрение. Адвокат утверждал, что в основу приговора положены противоречивые доказательства, которые не получили оценку суда, а первоначальные признательные показания на предварительном следствии М. дал в результате оказанного на него физического и психического воздействия, находясь в состоянии наркотического опьянения.

Кроме того, Судебная коллегия в апелляционном определении сослалась на заявление о явке М. с повинной, которая судом первой инстанции была признана недопустимым доказательством. Президиум Верховного Суда Российской Федерации удовлетворил надзорную жалобу частично, указав следующее. Согласно положениям ч. 1 ст. 4129 УПК РФ, основаниями отмены или изменения приговора, определения и постановления суда в порядке надзора являются существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела. В качестве доказательства виновности М.

Судебная коллегия сослалась на протокол явки с повинной, указав, что в ней осуждённый собственноручно изложил, что на территории заброшенной птицефабрики он столкнул дочь в котлован с водой. Сделал это, поскольку не хотел платить алименты и выслушивать постоянные упрёки бывшей жены по данному поводу.

Между тем суд первой инстанции признал явку с повинной М. недопустимым доказательством, как полученную с нарушением закона. Как усматривается из протокола судебного заседания, суд апелляционной инстанции при рассмотрении уголовного дела вопрос о признании явки с повинной в качестве допустимого доказательства в соответствии с ч. 7 ст. 235 УПК РФ повторно не рассматривал и не исследовал.

Согласно ч. 1 ст. 75 УПК РФ, недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УК РФ. Данные положения закона действуют на всех этапах уголовного судопроизводства, в том числе при рассмотрении уголовных дел в суде апелляционной инстанции.

В связи с допущенными существенными нарушениями уголовно-процессуального закона, которые выразились в обосновании судом второй инстанции своего решения доказательством, признанным недопустимым,

Президиум отменил апелляционное определение и уголовное дело передал на новое апелляционное рассмотрение.

*Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 162П14*

4. Моральный вред, причинённый преступными действиями нескольких лиц, подлежит возмещению в долевом порядке с учётом степени вины каждого.

Судом установлено, что П. при управлении автомобилем «Lexus LX 570», выполняя обгон попутного автобуса в нарушение правил дорожного движения, выехал на полосу встречного движения и стал следовать по ней в условиях ограниченной видимости, в связи с чем не сумел своевременно обнаружить автомобиль «Toyota-Corolla» под управлением водителя М., двигавшийся во встречном направлении по полосе своего движения со значительным превышением разрешённого в населённых пунктах скоростного режима, и допустил с ним столкновение. В результате дорожно-транспортного происшествия водителю автомашины «Toyota-Corolla» М. был причинён тяжкий вред здоровью, а пассажиру этой же автомашины Ш. - тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни, повлёкший его смерть.

По приговору суда П. и М. осуждены по ч. 3 ст. 264 УК РФ. Постановлением взыскать с осуждённых солидарно в счёт возмещения материального ущерба 120 053 рубля и в счёт компенсации морального вреда 600 000 рублей. Суд апелляционной инстанции изменил приговор в отношении П. и М. и увеличил сумму компенсации морального вреда, подлежащую взысканию солидарно с осуждённых в пользу потерпевшего Ш., до 1 000 000 рублей.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, проверив материалы дела и обсудив доводы, изложенные в кассационной жалобе осуждённого П., изменила приговор и последующие судебные решения в части гражданского иска, мотивировав своё решение следующим.

В соответствии со ст. 299 УПК РФ при постановлении приговора в совещательной комнате суд разрешает вопросы по заявленному гражданскому иску, в чью пользу и в каком размере он взыскивается. Согласно приговору суда с учётом изменений, внесённых в него апелляционным постановлением, с П. солидарно с М. взыскано в счёт возмещения морального вреда 1 000 000 рублей.

Свои решения об удовлетворении гражданского иска потерпевшего Ш. суды мотивировали тем, что смерть Ш. наступила от виновных действий осуждённых П. и М., допустивших нарушение правил дорожного движения, в связи с чем моральный вред, причинённый отцу пострадавшего, подлежит возмещению в размере одного миллиона рублей. Размер суммы, подлежащей взысканию в качестве компенсации причинённого преступлением морального вреда, является разумным и справедливым.

В то же время, устанавливая солидарную ответственность по возмещению морального вреда, суд не принял во внимание, что, по смыслу закона (ст. 151 и п. 2 ст. 1101 ГК РФ), в случае причинения морального вреда преступными действиями нескольких лиц он подлежит возмещению в долевом порядке с учётом степени вины каждого. Учитывая это, Судебная коллегия посчитала необходимым состоявшиеся по делу судебные решения в части гражданского иска по возмещению морального вреда изменить, определив его возмещение не в солидарном, а в долевом порядке.

Из установленных судом фактических обстоятельств совершения преступления следует, что и П., и М. были допущены нарушения правил дорожного движения, находящиеся в прямой причинной связи с наступившими последствиями. При этом в отношении каждого из них судом установлено наличие смягчающих обстоятельств и отсутствиеотячающих, назначено одинаковое наказание.

При таких обстоятельствах степень вины каждого из осуждённых является равной, в связи с чем они должны возместить причинённый преступлением моральный вред в равных долях. На основании изложенного Судебная коллегия изменила приговор и все последующие судебные решения в части гражданского иска и взыскала в счёт компенсации морального вреда в долевом порядке с осуждённых в пользу потерпевшего Ш. по 500 000 рублей с каждого.

Определение № 50-УД14-9

7. Исходя из положений ст. 151 ГК РФ возложение обязанности по компенсации морального вреда возможно лишь при наличии вины нарушителя.

По приговору Пушкинского районного суда Г. осуждён по п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ), пп. «б», «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ (в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ) и ч. 4 ст. 111 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ). Постановлено взыскать с Г. в пользу К.В. в счёт компенсации морального вреда 600 000 рублей.

Судебная коллегия по уголовным делам Санкт-Петербургского городского суда оставила приговор в отношении Г. без изменения.

Президиум Санкт-Петербургского городского суда отменил приговор и апелляционное определение в части осуждения Г. по ч. 4 ст. 111 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ) и производство по уголовному делу прекратил на основании п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ ввиду непричастности к совершению преступления.

В кассационной жалобе осуждённый Г. просил о снижении размера компенсации морального вреда, подлежащей взысканию с него в пользу потерпевшей К.В. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила судебные решения по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 151, 1101 ГК РФ размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причинённых потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда. При определении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости. Характер физических и нравственных страданий оценивается судом с учётом фактических обстоятельств, при которых был причинён моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего. Согласно приговору суда с осуждённого Г. в пользу потерпевшей К.В. в счёт компенсации морального вреда постановлено взыскать 600 000 рублей в связи с признанием его виновным в совершении разбойного нападения на потерпевшего К. и причинением тяжкого вреда его здоровью, повлёкшем по неосторожности смерть последнего, то есть в совершении преступлений, предусмотренных пп. «б», «в» ч. 4 ст. 162 и ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Суд кассационной инстанции пришёл к выводу о непричастности Г. к причинению тяжкого вреда здоровью потерпевшего К., в связи с чем судебные решения в части осуждения Г. по ч. 4 ст. 111 УК РФ отменил с прекращением производства по делу.

При таких обстоятельствах, учитывая уменьшение объёма обвинения, по которому осуждён Г. по эпизоду, связанному с потерпевшим К., Судебная коллегия изменила состоявшиеся судебные решения и снизила размер компенсации морального вреда, подлежащего взысканию с Г., с 600 000 рублей до 300 000 рублей.

Определение № 78-УД15-2

3. В состав процессуальных издержек не входят суммы, израсходованные на производство судебной экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях. При невозможности производства судебной экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении, обслуживающем указанную территорию, экспертиза может быть произведена государственными судебно-экспертными учреждениями, обслуживающими другие территории.

По приговору 3 окружного военного суда от 2 июля 2014 г. с законных представителей несовершеннолетнего осуждённого И. взыскано по 8030 руб. в счёт расходов, связанных с производством психолого-психиатрической экспертизы.

Судебная коллегия по делам военнослужащих, рассмотрев дело в апелляционном порядке по представлению государственного обвинителя и апелляционным жалобам, исключила указание о возложении на законных представителей осуждённого И. обязанности возместить процессуальные издержки, связанные с оплатой труда экспертов-психиатров и психолога при производстве экспертизы, указав в обоснование следующее.

По смыслу ст. 132 УПК РФ и как разъяснено в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 42 «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам», в состав процессуальных издержек не входят суммы, израсходованные на производство судебной экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях (экспертных подразделениях), поскольку их деятельность финансируется за счёт средств федерального бюджета или бюджетов субъектов Российской Федерации (ст. 37 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»).

В силу ч. 8 ст. 11 указанного федерального закона при невозможности производства судебной экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении, обслуживающем органы дознания, органы предварительного следствия и суды, в связи с отсутствием эксперта конкретной специальности, необходимой материально-технической базы либо специальных условий для проведения исследований судебная экспертиза для них может быть произведена государственными судебно-экспертными учреждениями, обслуживаемыми другими территориями, то есть и в данных случаях лица, в отношении которых проводятся экспертные исследования, могут рассчитывать на освобождение от возмещения затрат на их производство.

Как следует из материалов дела, судебная психолого-психиатрическая экспертиза в отношении И. произведена по месту проведения предварительного расследования в г. Байконуре Республики Казахстан – за пределами территории Российской Федерации, где по объективным причинам специализированные учреждения соответствующего профиля отсутствуют. Взыскав затраты на производство экспертизы с родителей осуждённого И., суд фактически возложил на одну из сторон уголовного судопроизводства дополнительную обязанность, которую в аналогичной ситуации при производстве экспертизы на территории Российской Федерации участники уголовного судопроизводства не несут. Тем самым взыскание процессуальных издержек по существу поставлено в зависимость от одного лишь места производства предварительного расследования. При этом не выяснены причины, в связи с которыми обязательная по делу психолого-психиатрическая экспертиза в отношении И. не проведена по месту нахождения соответствующих экспертных учреждений, ссылки на какие-либо документы, подтверждающие отсутствие такой возможности, в приговоре не содержатся.

Определение № 209-АП/14-1

Практика Европейского Суда по правам человека

В постановлении Европейского Суда по жалобе № 3243/06 «Лосевский и другие против России» (далее – постановление) Европейский Суд установил нарушение российскими властями п. 3 ст. 5 Конвенции в связи с неоднократным продлением судами срока содержания заявителя под стражей без достаточных на то оснований и без приведения надлежащих доводов применения названной меры пресечения.

Обстоятельства дела: 27 апреля 2005 г. районный суд вынес постановление о заключении заявителей под стражу. Заявителям были предъявлены обвинения в мошенничестве и легализации (См. сообщение № 1797/2008, Меннен против Нидерландов, п. 10. 96) денежных средств, совершенных организованной группой.

14 марта 2007 г. районный суд признал заявителей виновными. Предварительное содержание заявителей под стражей не имело надлежащих и достаточных оснований. Тяжесть обвинений была указана в качестве основной причины их заключения под стражу. Продления сроков содержания под стражей были утверждены без проверки соблюдения требования о надлежащей осмотристельности: не было указано, что было сделано в период времени, истекший с последнего продления, и что надлежит сделать в течение периода нового продления. Районный суд также выносил коллективные постановления о заключении под стражу в отношении соответчиков без индивидуального анализа обстоятельств по каждому из них. Рассматриваемый период длился один год, десять месяцев и семнадцать дней.

Позиция Европейского Суда: Европейский Суд пришёл к выводу о том, что имело место нарушение п. 3 ст. 5 Конвенции в связи с тем, что «...не представив конкретных фактов и вынося постановления о заключении под стражу в отношении нескольких обвиняемых по одному делу...[суды] продлили срок содержания заявителя под стражей на основаниях, которые, хотя и являются «соответствующими», не могут рассматриваться как «достаточные» (пп. 15, 16 постановления).

В постановлении Европейского Суда по жалобе № 1585/09 «Авилкина и другие против России» (далее – постановление) Европейский Суд установил нарушение ст. 8 Конвенции ввиду предоставления медицинских документов заявителей для целей прокурорской проверки.

Обстоятельства дела: организация-заявитель — расположенная в Санкт-Петербурге религиозная организация «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России». «Комитет по спасению молодежи от деструктивных культов» направил несколько обращений на имя Президента Российской Федерации. Данные обращения главным образом касались вероучения и практики организации-заявителя, а также содержали утверждения о причастности последней к экстремизму. Администрация Президента Российской

Федерации направила указанные обращения в прокуратуру Санкт-Петербурга. Последовавшие проверки не выявили в деятельности организации-заявителя никаких фактов нарушения закона. При этом организации-заявителю было отказано в просьбе ознакомиться с соответствующими материалами. Организация-заявитель утверждала, что в рамках проведения проверок прокуратура Санкт-Петербурга взаимодействовала с другими государственными органами, направляла религиозные публикации на экспертизу, изучала медицинские документы членов организации-заявителя, вмешивалась в процесс школьного обучения без согласия родителей и рассматривала неоднократно повторяющиеся обращения организаций и граждан.

Позиция Европейского Суда: Европейский Суд подчеркнул, что «...соблюдение конфиденциальности данных о здоровье имеет ключевое значение не только для защиты частной жизни пациента, но и для сохранения его доверия к медицинским работникам и системе здравоохранения в целом... [тем не менее] интересы пациентов и населения в целом по охране конфиденциальности медицинских сведений могут уступить по своей значимости интересам по расследованию и наказанию преступлений, а также по обеспечению гласности судебного разбирательства, если доказано, что такие интересы имеют более серьезное значение...за компетентными государственными органами должна сохраняться определенная свобода усмотрения по установлению справедливого баланса между соответствующими, противоречащими друг другу, общественными и частными интересами» (пп. 45, 46 постановления).

Европейский Суд отметил, что «...заявители не являлись подозреваемыми или обвиняемыми по какому-либо уголовному расследованию... прокуратура лишь проводила проверку деятельности религиозной организации заявителей в связи с поступившими к ней обращениями... кроме запроса о предоставлении сведений, составляющих врачебную тайну, у прокуратуры имелись другие возможности проведения проверки по поступившим к ней обращениям» (пп. 47, 48 постановления).

Европейский Суд пришёл к выводу о том, что «...возможность возражать против предоставления сведений, составляющих врачебную тайну, уже после того, как они были получены прокуратурой, не обеспечивала заявителям должной защиты от несанкционированной передачи таких сведений...сбор прокуратурой сведений, составляющих врачебную тайну, в отношении заявителей не сопровождался надлежащей защитой, позволяющей предотвратить передачу этих данных, что привело к нарушению статьи 8 Конвенции» (пп. 52-54 постановления).

В постановлении Европейского Суда по жалобе № 31974/11 «Коровины против России» (далее – постановление) Европейский Суд установил нарушение российскими властями ст. 3 Конвенции в связи с необеспечением надлежащих условий содержания Коровина И.В. (далее – первый заяви-

тель) в психиатрической больнице специализированного типа с интенсивным наблюдением и жестоким обращением с заявителем; ст. 8 Конвенции – в связи с цензурой администрацией больницы переписки Коровина И.В. с Коровиной Т.Ю. (далее – второй заявитель); п. 1 ст. 6 Конвенции – в связи с вынесением районным судом решения (оставленного в силе кассационной инстанцией) об отказе в удовлетворении исковых требований заявителей к психиатрической больнице о компенсации морального вреда ввиду названных нарушений без надлежащего исследования и оценки доказательств.

Обстоятельства дела: 9 июня 2009 г. первый заявитель был задержан в связи с преступлением, связанным с наркотиками, и 10 июня 2009 г. был заключен под стражу. Судебная психиатрическая экспертиза установила, что первый заявитель страдал шизофренией, требующей обязательного психиатрического лечения. Районные суды продлевали содержание заявителя под стражей вплоть до 15 декабря 2009 г., когда районный суд освободил первого заявителя от уголовной ответственности, признав его невменяемым в силу психического (См., например, сообщение № 1830/2008, Пивonos против Беларуси, Сообщения от 20 октября 2012 г., п. 11; и № 1785/2008, Олешкевич против Беларуси, Сообщения от 18 марта 2013 г., п. 10. 117) расстройства. Суд также вынес решение о применении принудительных мер медицинского характера к заявителю и его помещению в психиатрический стационар общего типа. 19 января 2010 г. первый заявитель был помещен в Республиканскую клиническую психиатрическую больницу. После попытки побега он был помещен в палату, которая не соответствовала санитарным требованиям. 4 июня 2010 г. районный суд в отсутствие законного опекуна заявителя Коровиной Т.Ю. и его адвоката удовлетворил запрос Республиканской клинической психиатрической больницы о перемещении Коровина И.В. в психиатрическую больницу специализированного типа. 16 июня 2010 г. первый заявитель был помещен в Казанскую психиатрическую больницу специализированного типа, в которой 30 июля 2010 г. в связи с ненадлежащим поведением он был изолирован и привязан к кровати на двадцать четыре часа. 30 июля 2010 г. Верховный Суд Республик Татарстан (далее – Верховный суд) отменил решение от 4 июня 2010 г. в кассационном порядке, так как слушание дела проходило в отсутствие первого заявителя. 13 декабря 2010 г. первый заявитель был перемещен в Республиканскую клиническую психиатрическую больницу. 9 июля 2011 г. Коровин И.В. был снова переведен в Казанскую психиатрическую больницу специализированного типа. Верховный суд неоднократно отменял в кассационном порядке решения районного суда о продлении применения принудительных мер медицинского характера к заявителю и его помещению в психиатрическую больницу под интенсивное наблюдение. Также Верховный суд отказал в удовлетворении требований заявителей о компенсации морального вреда в связи с чрезмерно длительным содержанием Коровина И.В. в психиатрической больнице специализированного типа, а также жестоким обращением с ним.

Позиция Европейского Суда: власти Российской Федерации признали, что размеры палат, в которых первый заявитель проходил стационарное лечение, не соответствовали законным нормам, что количество спальных мест в каждой палате значительно превышало государственную норму, а также что привязывание первого заявителя к его кровати на двадцать четыре часа как психиатрическая мера являлась чрезмерной и не соответствовала его поведению (пп. 54, 55 и 65 постановления).

Европейский Суд пришёл к выводу, что имело место нарушение ст. 3 Конвенции (п. 68 постановления). Власти также признали неспособность национальных судов рассмотреть жалобы заявителей в отношении условий содержания Коровина И.В. в психиатрическом стационаре и на цензуру их корреспонденции со стороны администрации больницы (п. 71 постановления).

Европейский Суд также установил нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции (п. 73 постановления). Кроме того, Европейский Суд признал нарушение ст. 8 Конвенции в связи с тем, что российские власти подтвердили факт присутствия цензуры переписки заявителей со стороны психиатрической больницы специализированного типа.

В постановлении Европейского Суда от 5 июня 2014 года по делу № 33761/05 «Терещенко против России» отклонены жалобы заявителя на предполагаемое нарушение статей 8 и 34 Конвенции – в связи с якобы имевшими место препятствиями в реализации его права на подачу жалобы в Европейский Суд и статьи 6 Конвенции – в связи с отказом районного суда в рассмотрении ходатайства заявителя об условно-досрочном освобождении и невозможностью обжаловать указанный отказ. Вместе с тем установлено нарушение статей 3 и 13 Конвенции в связи с необеспечением Терещенко А.Н. надлежащих условий содержания в следственных изоляторах и отсутствием у заявителя эффективных средств правовой защиты от соответствующих нарушений, а также статьи 8 Конвенции – в связи с невозможностью посещения заявителя его матерью во время содержания в следственном изоляторе.

Обстоятельства дела. Заявитель был задержан по подозрению в причинении телесных повреждений и в незаконном обороте наркотиков. Дело в отношении заявителя по обвинениям в незаконном обороте наркотиков было прекращено в связи с тем, что прокурор снял 86 обвинения. Районный суд признал заявителя виновным в причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, и приговорил его к восьми годам лишения свободы. Через два года районный суд отклонил ходатайство заявителя о досрочном освобождении из колонии. Заявитель также жаловался на условия содержания под стражей и на ограничение посещения его родственниками.

Позиция Европейского Суда. В отношении условий содержания под стражей Суд отметил, что «...временами количество заключенных в камере превышало фактическое количество кроватей в камере, так что заключенным

приходилось спать по очереди. Суд считает, что это могло служить источником напряженности между заключенными и вызывать у них дополнительное нервно-психическое напряжение и чувство неудовлетворенности... следовательно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с условиями содержания заявителя под стражей с 2003 по 2005 год» (пункты 83–85 постановления). В части отсутствия у заявителя эффективного средства правовой защиты от указанного нарушения Европейский Суд подчеркнул, что «...правовая система России [не] обеспечивает эффективное средство правовой защиты, которое могло бы быть использовано для предотвращения предполагаемого нарушения или его продолжения и которое предоставляет заявителю адекватное и достаточное возмещение в связи с жалобой на несоответствующие условия содержания под стражей» (пункт 89 постановления).

В отношении отсутствия возможности для свиданий заявителя с матерью во время его нахождения в изоляторе временного содержания Суд отметил, что «...внутригосударственные органы не рассмотрели надлежащим образом вопрос посещений, тем самым не приняв меры для обеспечения уважения частной жизни заявителя...[н]е было предложено...что оспариваемая ситуация была бы соответствующим образом смягчена в случае доступности заявителю, к примеру, других способов коммуникации, таких как телефон...такие ограничения, как определение количества свиданий с семьей, надзор за такими свиданиями и, если это оправдано характером преступления, установление особого режима содержания под стражей или специальные меры по организации свиданий, представляют собой вмешательство в права, гарантированные статьей 8 Конвенции» (пункты 136, 120).

Применительно к предполагаемому нарушению ст. 6 Конвенции Европейский Суд согласился с доводами российских властей о том, что данная жалоба не совместима с положениями Конвенции, поскольку 87 условно-досрочное освобождение является привилегией, а не правом, защищаемым Конвенцией (пункт 107 постановления).

Суд также отметил, что «...формулировка статьи 79 Уголовного кодекса должна быть проанализирована с учетом разъяснений Верховного Суда, данных в 2009 году, в соответствии с которыми предоставление мер в отношении замены или прекращения меры пресечения в виде заключения под стражу не должно быть автоматическим и должно быть отдано на усмотрение судьи, рассматривающего соответствующее дело» (пункт 107 постановления).

В постановлении Европейского Суда по правам человека (далее – Европейский Суд) от 27 ноября 2014 года по делу № 20696/06, 22504/06, 41167/06, 6193/07, 18589/07 «Еремцов и другие против России» установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) в связи с необеспечением справедливости судебных разбирательств по уголовным делам Еремцова И.В., Антонова Д.М., Никитина С.Е., Мордвинова И.В. и Кузнецова В.В., выразившееся в

том, что в основу обвинительных приговоров заявителей были положены доказательства, полученные в результате оперативно-розыскных мероприятий – проверочных закупок (См., например: сообщение № 207/2002 (CAT/C/33/D/207/2002), «Димитриевич против Сербии и Черногории», решение от 24 ноября 2004 года, пункт 5.5. 106) наркотических средств, проведенных без надлежащей проверки доводов заявителей об имевшей место провокации.

Обстоятельства дела. В отношении каждого из заявителей правоохрательными органами были проведены оперативно-розыскные мероприятия в форме проверочной закупки наркотических средств. В результате этих мероприятий заявители были признаны виновными в совершении преступлений, связанных со сбытом наркотических средств. Заявители утверждали, что сотрудники правоохрательных органов спровоцировали их на совершение преступлений, связанных с наркотиками.

Позиция Европейского Суда. Европейский Суд отметил, что «при наличии правдоподобного и даже спорного утверждения о провокации национальные суды обязаны установить в рамках состязательного процесса основания проведения операции, степень участия сотрудников правоохрательных органов в совершении преступного деяния, а также характер какого-либо подстрекательства или давления, которому был подвергнут заявитель» (пункт 16 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «довод о провокации не может рассматриваться без истребования всех соответствующих материалов, касающихся предполагаемого изначального существования «оперативной информации», обличающей заявителей, до проведения оперативно-розыскных мероприятий и без допроса тайных агентов о ранних этапах их внедрения» (пункт 16 постановления).

Учитывая все обстоятельства дела, Европейский Суд заключил, что «отсутствие в российской правовой системе ясной и предсказуемой процедуры санкционирования проверочных закупок остается структурной проблемой, которая подвергает заявителей произволу со стороны правоохрательных органов и не позволяет национальным судам провести эффективный судебный пересмотр их доводов о провокации» (пункт 24 постановления).

В постановлении Европейского Суда от 24 апреля 2012 года по делу № 1413/05 «Дамир Сибгатуллин против России» установлено нарушение пункта 1 и подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции в связи с нарушением права Сибгатуллина Д.Д. на справедливое судебное разбирательство ввиду того, что в основу обвинительного приговора заявителя были положены показания свидетелей, полученные на стадии предварительного следствия, без обеспечения их явки в областной суд.

Обстоятельства дела. В Республике Узбекистан в отношении заявителя было возбуждено уголовное дело. Ему были предъявлены обвинения в ограблении и убийстве. Заявитель бежал из Узбекистана в Россию. Сотрудни-

ки прокуратуры Российской Федерации возбудили в отношении заявителя уголовное дело по факту преступлений, предположительно совершенных им в Узбекистане. В ходе судебных заседаний в областном суде были оглашены показания свидетелей и соучастника заявителя, которые не предстали перед присяжными и не давали показаний в открытом судебном заседании. Областной суд не располагал информацией о причинах отсутствия некоторых свидетелей, однако огласил их показания, указав, что на попытки добиться их явки ушло шесть месяцев. Областной суд посчитал отсутствие свидетелей оправданным в силу их личных обстоятельств или потому, что узбекские власти так и не смогли их найти.

Позиция Европейского Суда. Европейский Суд отметил, что «сам факт участия обвиняемого в очных ставках со свидетелями в ходе предварительного расследования не может сам по себе лишить его или ее права на допрос этих свидетелей в суде» (пункт 47 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «хотя такие причины, как невозможность нести расходы, связанные с поездкой в Россию, плохое здоровье или сложная ситуация в семье, являются уважительными, [областной] суд не стал вдаваться в конкретные обстоятельства ситуации каждого свидетеля и не рассмотрел вопрос о возможном наличии альтернативных способов обеспечения личной дачи показаний с их стороны... согласно соответствующим положениям российского законодательства, свидетелям было предоставлено право требовать возмещения судебных расходов и издержек, в том числе расходов, связанных с проездом, понесенных в результате их участия в уголовном судопроизводстве... областной суд [мог] выйти за рамки обычных средств обеспечения прав стороны защиты на перекрестный допрос свидетелей, например, организовать встречу адвоката заявителя со свидетелями в Узбекистане... или использовать современные средства аудиовизуальной коммуникации, чтобы сторона защиты имела возможность задать свидетелям вопросы» (пункт 56 постановления).

Учитывая все обстоятельства дела, Европейский Суд заключил, что «нельзя считать, что заявитель имел надлежащую и адекватную возможность оспорить показания свидетелей, которые имели решающее значение при признании его виновным, и следовательно, в отношении его не было проведено справедливого судебного разбирательства.

Таким образом, по настоящему делу было допущено нарушение требований 108 пункта 1 статьи 6, взятого в совокупности с подпунктом «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции» (пункт 58 постановления).

Неофициальный перевод текстов постановлений получен из аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека и в цитатах не изменён.

Управление систематизации законодательства
и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Обзоры судебной практики Верховного Суда Российской Федерации	
I. Квалификация преступлений.....	3
II. Назначение наказания.....	7
III. Процессуальные вопросы	14
Практика Европейского Суда по правам человека	21

Обзоры судебной практики Верховного Суда Российской Федерации 2015

Составитель *В.М.Фридман*

Региональная общественная организация «Центр содействия реформе уголовного правосудия»

не занимается вопросами, связанными с пересмотром дела,

не пишет надзорные жалобы,

не участвует в процессах и судебных разбирательствах.

✓ Оказывает правовые консультации дистанционно (по переписке);

✓ Издает брошюры правового характера;

✓ Готовит материалы к радиопередаче для заключенных и всех тех, кому небезразлична их судьба («Облака», Радио России, по вторникам, в 15.10).

Контакты: 101000 Москва, Лучников переулок, д. 4, комн. 7.
Тел: (495)621-1024, (499)978-2982. www.prison.org; e-mail: sodeistvie@prison.org

Тираж 2000 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Микопринт». 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3.